

Андрей Васильевич Попов

Ремонт обуви

16+

Андрей Васильевич Попов

Ремонт обуви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66926873

SelfPub; 2021

Аннотация

История одной собаки, доказавшей преданность своему хозяину. К счастью, с благополучным исходом.

Андрей Попов

Ремонт обуви

История знает массу случаев, которые подтверждают способность собак быть очень преданными своему хозяину. Это и Белый Бим Чёрное ухо, и Хатико, и Вагха*, и Костя** и многие-многие другие. Но это все где-то. В какой-то книге, в прошлом веке, в другой стране. А вот преданность, окружающих нас песиков мы зачастую просто не замечаем. Какие-то они не такие, наши собачки, не благородные что ли. То норовят укусить исподтишка, то гавкают попусту, то копаются на свалках, гадят, пардон опять же. Одним словом, не комильфо. Но это все полная ерунда. Расскажу-ка я Вам про Пальму и ее хозяина Пашу. История эта произошла не где-то там далеко и давно, она произошла в нашем городе, на нашем базаре, в начале девяностых. Да-да именно на базаре, в скобяном ряду. И самое главное, в отличие от вышеперечисленных историй, эта имела счастливый конец.

– Селедка! Пошла селедка! Василич, вчера мужики напротив Любимовки взяли по тридцать хвостов! Представляешь!? На выходе из бухты было поменьше, но более крупная. Идешь завтра? У Вадима осталось два места.

– Иду без разговоров. Но у меня проблема. Селедочных подвесок нет. На ставриду и окуня есть, а селедочных нет.

Луфарь в прошлом году все состриг, а я заранее не подсуе-
тился.

– Не переживай. На борту купим. Вадим сказал, что с ним пойдет какой-то дядя Коля. Он сам вяжет. И на его подвески осечек не бывает.

– Отлично. Выходим как всегда со Стрелки? Во сколько?

– Будь в семь часов на первом причале. Давай, до встречи.

На следующее утро Рыбацкий причал выглядел как ба-
зарная площадь. Озабоченные мужики, одетые в камуфляж,
сновали по пристани туда-сюда, размахивали чехлами с уди-
лищами, громко спорили куда идти и на какой глубине ста-
новиться. Мы в этой суете не участвовали, полностью дове-
ряя капитану нашего катерка. Он всегда сам азартно участ-
вовал в рыбалке и поэтому был заинтересован в результа-
те. Погрузившись на борт и заняв свои любимые места, мы
вдруг обнаружили, что не хватает двоих участников.

– Вадим, двое опаздывают. А нам бы уже выходить.

– Подхватим их на 193 причале, они уже там. Все заводимся, отдавайте кормовые, – скомандовал капитан и скрыл-
ся в рубке.

Сбросив с уток*** кормовые концы, все занялись под-
готовкой своих снастей. Собирали удилища, ставили на ме-
сто катушки, привязывали грузила и делали еще массу все-
го необходимого для начала непосредственно самого лова.
Через десяток минут наш катер, заложив лихую петлю, кос-
нулся бортом причала на другом берегу Стрелецкой бухты.

Сначала в катер прыгнула собака. Это был симпатичный потомок сильно погулявшей овчарки. Она приветливо вильнула хвостом каждому из нас и по-хозяйски спустилась в трюм. Потом в катер спустился молодой мужчина. Он придержался рукой за кранец и помог сойти на борт последнему участнику нашей команды. Как я понял, это и был дядя Коля.

– Вадим, ну собаку-то зачем? Начнет выть или лаять.

– Спокойно, мужики. Это не просто собака, это – Пальма. Проблем не будет. Не переживайте. – Вадим снял с вешалки выдавший виды матросский бушлат, стряхнул его за борт и бросил в трюм на швартовные концы. – Ложись Пальма сюда, ложись.

И катер тронулся в море. В это день мы неплохо отловились. Каждый участник нашего коллектива сумел поймать по несколько заветных селедок. Это не был рекордный улов, но все были довольны. Перед возвращением на свою стоянку, мы, как и утром, зашли на 193 причал, высадили собаку Пальму, дядю Колю и молодого парня. Дядя Коля, уже уходя, обернулся и сказал:

– Спасибо всем за компанию. И еще. Время еще не позднее. Вы бы, ребята, не торопились на базу. Встаньте тут метрах на семи. Голубой окунь зашел.

И действительно, бросив якорь метрах в пятнадцати от причала и переоснастивши снасти, мы за час надергали килограмма по три отменного окуня. В общем, рыбалка удалась как никогда...

Прошло какое-то время. Следующий мой выход в море случился месяцев через пять. Расположившись на своем постоянном месте, на корме по правому борту, я занялся удочкой. Капитан с кем-то переговаривался то по радиии, то по телефону. Я, понятное дело, «грел уши» прикидывая, на что можно рассчитывать в этом выходе. Во время капитанских переговоров я несколько раз услышал, как он обращался к кому-то по имени «дядя Коля». В этот раз выход был неудачный. Мы долго и безуспешно гонялись за рыбой. То на Каче, то вдруг в совершенно другой стороне, на мысе Херсонес у кого-то бешено клевало, и в итоге, после череды бесконечных метаний по морю, к середине дня мы оказались достаточно далеко от места стоянки. Согласовав с уставшими рыбаками наше возвращение, капитан взял курс на Стрелецкую бухту. Идти нужно было минут сорок. Быстро свернувшись, я заглянул в рубку:

– Ну, что сегодня пролетели?– виновато спросил Вадим.

– Бывает. Не переживай. Ты в разговорах дядю Колю упоминал. Это не тот с которым мы на селедку ходили?

– Да, он, – улыбнулся Вадим. – Хороший дядька. Я его бесплатно катаю, а он мне иногда подвески свои дает на пробу.

– А что с ним за парочка странная. Собака явно не его и льнет больше к молодому.

– Да, это Пашина собака. Ой, там такая история! Если хочешь, расскажу? Идти еще долго.

– Давай. С удовольствием.

...

Дело было в девяностые. Как раз тогда, когда образовывался один из наших рынков. Оказывается рынок – это не просто случайное собрание торговых павильонов, там еще и организация определенная присутствует со своими правами и обязанностями. Куда же без них. Одним из обязательных условий является то, что городские власти выделяют землю предприимчивым гражданам, а те, в свою очередь, должны обеспечить несколько рабочих мест для нужд города. Так было и на нашем рынке. Вскоре после того как расставили торговые павильоны, прямо вплотную к скобяному ряду завезли и установили маленький ларечек. Через некоторое время, в сопровождении представителя администрации, туда пришел совсем молоденький паренек. При нем, в ларек, занесли стол, стул, какое-то простейшее оборудование, а на крышу установили вывеску «Ремонт обуви». Парня звали Павел. Он был сиротой. После окончания школы-интерната его направили получать рабочую специальность. Я думаю никому не нужно объяснять, что для сироты выбор был не сильно велик. Так, через два года, Паша стал сапожником и был определен на наш рынок, закрыв тем самым социальную направленность данного объекта городской инфраструктуры.

Паша был общительным пареньком. В первый же день своей самостоятельной работы он подошел к дяде Коле, за-

нимавшемся всяким слесарным промыслом в скобяном ряду:

– Здрасти! Меня Пашка зовут. Дядь, мне сказали, у Вас наждак есть. Мне бы нож заточить?

Дядя Коля в этот момент ладил топорище:

– Здравствуй, здравствуй племянничек. Что же, ты у нас сапожником будешь?

– Да вроде того. По ремонту обуви, в общем.

– Ну, давай, точи. Вон в углу стоит. А палец не порежешь?

– Не порежу, – Паша беззлобно улыбнулся, встал за наждак и ловко подвел сапожный нож. – Спасибо, дядь Коля.

– На здоровье. Ты, не стесняйся, заходи, если что, – так они и познакомились.

Через месяц уже весь рынок носил Паше обувь на починку. Работал он хорошо. Может не всегда качественно, но свои косяки исправлял быстро и бесплатно, может, поэтому на него никто и никогда не обижался. Пару раз в день Паша делал перерыв и приходил в павильон к дяде Коле. Они вместе пили чай и разговаривали «за жизнь». Иногда дядя Коля рассказывал о своих бесчисленных приключениях во время службы мичманом на военном корабле.

Как-то в один из дней, а дело было в преддверие весны, базарные кобели, словно с ума сошли. Весь день они носились и по рынку и вокруг него, лая на всех и вся, нападая на местных сучек, которых как магнитом притягивали «вкусные» запахи с мясного ряда и забегаловок общепита. Так мо-

лоденькая собачонка, не разобравшись в диспозиции, оказалась прямо в эпицентре собачьих территориально-эротических разборок. Ее чуть не порвала эта свора и если бы не выскочивший из своего ларька Паша, дело было бы худо. Он пинками разбросал лохматую кучу-малу и извлек испуганную до смерти собачку. Высоко подняв ее в руках, он с боем пробился в свой ларек и успел захлопнуть двери перед стаей беснующихся кобелей. Потеряв из виду причину своей активности, собаки, еще какое-то время, победно погавкали для проформы, побегали вокруг павильона, поместили его со всех сторон и отбыли восвояси. Через полчаса Паша, тщательно закрыв за собой двери, куда-то ушел и вернулся уже с тюфячком, миской и какой-то едой. Так в «Ремонте обуви» появился постоялец. Через некоторое время собачка стала выходить в свет, знакомиться с соседями и обследовать ближайшие окрестности. Базарные псы уже не решались в наглую приближаться к Пашиному ларьку, так как псинка яростно скалилась и рычала. Это была уже ее территория. Потом собачку, с легкой руки дяди Коли, нарекли Пальмой. Когда Пальма окончательно освоилась на рынке, Паша стал уводить ее ночевать в общежитие, где проживал. Вечером они вместе закрывали ларек и уходили. Утром, пока Паша открывал ларек, выносил и устанавливал рекламу, Пальма крутилась возле него. После того как Павел садился за работу, собака уходила. Она методично обходила весь общепит и торговцев животными кормами. Никто не мог отказать при-

ветливой собачке, угощая ее всякими вкусняшками. После своего, рейда Пальма возвращалась в ларек и заваливалась спать на свой тюфячок. Если было очень жарко, она перебиралась к дяде Коле под верстак. Жизнь плавно и неторопливо текла своим чередом.

Утром, в один из летних дней, все было как обычно. Каждый из предпринимателей ковырялся в своих павильонах. Кто выкладывался, кто получал товар. Рынок жил своей обычной жизнью. Пальма, покрутившись возле ларька, пошла на свой обязательный обход. Дядя Коля заварил утренний чай и уже собирался позвать Павла, когда увидел как к павильону «Ремонт обуви» с разных сторон подошли спортивные, короткостриженные ребята в штатском. Двое вошли в ларек, остальные остались снаружи и зорко осматривались вокруг. Через какое-то время из ларька вынесли какие-то пакеты и вывели Пашу ... в наручниках. На ларек повесили замок, заклеили бумажками двери и окна, предварительно наклеив на них печати. После этого вся делегация покинула рынок. Дядя Коля подошел к павильону и прочитал на печатях чернильную надпись «Для пакетов» и по кругу мелко «Управление Министерства внутренних дел».

– Коля, что там случилось?– кто-то крикнул из соседей.

– Да сам в шоке. Ничего не понимаю! Беда! Пряма беда! Пальма-то ушла. Сейчас вернется и че? – дядя Коля крутил головой.

– Участкового нужно спросить. Он должен быть в курсе.

– Да когда ж спросить-то. Пальма ж вот-вот Ох, беда!

Пальма словно чувствовала. Она вихрем вырвалась с соседнего ряда, и резко затормозив, села прямо у закрытой двери. Не веря глазам, она покрутилась вокруг ларька, понюхала замок и неуверенно тявкнула. Попробовала поцарапать лапкой дверь, отошла и вновь обиженно залаяла на нее.

– Пальма, Пальма! Иди сюда. Паша сейчас придет. Иди сюда.

Но собака не реагировала. Час, покрутившись у ларька, она легла прямо у порога и, положив голову на передние лапы, всем своим видом показала, что будет ждать до победного конца. Вечером, уже перед уходом, дядя Коля поставил возле ее морды миску с водой и кормом. Пальма даже не посмотрела на него. Чуть вильнула благодарно хвостом и все.

Собака никуда не уходила от ларька месяц. Только после проливного ливня она переместилась под верстак к дяде Коле, но уходить с рынка отказывалась наотрез. Даже когда попала ночью под местную свору и ее знатно порвали. Утром, истекающую кровью собаку, обнаружил уборщик возле дверей ларька «Ремонт обуви». Торговцы сбросились, кто, сколько может, наняли ветеринара и тот зашивал ее прямо на рынке, уложив на лист фанеры. После выздоровления, дядя Коля как-то смог уговорить Пальму уйти на ночь к нему домой. Утром же, при входе на рынок, она вырвала поводок из рук и умчала вперед, и только убедившись, что дверь в ларек по-прежнему закрыта успокоилась.

Через месяц на рынок зашел участковый. Пальма заби-
лась под верстак и злобно рычала оттуда на его ботинки.

– Пальма, да погодь ты, дай послушать!– успокаивал ее
дядя Коля, наливая в кружку чай. – Вот же господа, разо-
шлась.

– Что? Учужала шельма служивого человека. Твоя?

– Пашкина. Кидается теперь на всех милиционеров. Даже
если кто по гражданке. Угадывает как-то.

– Тогда понятно, – участковый кивнул головой, прихле-
бывая. – Попался наш сапожник на хранении краденого. Ка-
кие-то домушники сносили в ларек добычу в мешках, а при-
ходил ее забирать кто-то другой. Перевалочная база своего
рода. Он и не знал толком ничего. По глупости, взял все на
себя. Максималист, блин. Короче, дали пять лет. Будет себя
хорошо вести на зоне, года через три напишет на УДО. Он
же первоходок, может и отпустят.

– Это минимум три года ждать? – переспросил дядя Коля.

– Четыре. И это если повезет.

– Да уж. – дядя Коля уныло звенел ложечкой в чашке. –
Ты слышишь, Пальма? Четыре года минимум ... Эх, так-то
можно и не дожидаться.

... Жизнь на рынке потихоньку покатила дальше. Люди
покупали и продавали, радовались и расстраивались, богате-
ли и беднели. Пальма как обычно обходила рынок, собирая
свою дань и ее всегда привечали. День проводила под вер-
стаком у дяди Коли, ни на минуту не выпуская из виду ларек

«Ремонт обуви».

Через какое-то время к ларьку пришла администрация рынка, сорвали выцветшие бумажки с печатями, открыли двери, окна:

– Следствие закончилось. Прокуратура разрешила открыть павильон. Матрасик для собачки заберите, пожалуйста.

После уборки на дверях повесили вывеску «Сдается в аренду».

... Прошло несколько месяцев, но желающих арендовать ларек не находилось. Вывеска постепенно выцвела на солнце. Ее перестали обновлять. Регулярно только смазывали замок, оборачивали его в полиэтиленовый пакет, чтобы не залило водой, и вкладывали туда бумажку с телефоном администрации. После того как сотрудник рынка уходил, дядя Коля снимал пакет и на бумажке с телефоном администрации дописывал корявым подчерком «Паша, Пальма у меня. Позвони мне по телефону». Через некоторое время замок перестали смазывать и заматывать в пакет, оставлять записки стало негде. Дядя Коля взялся за это сам. Капнув маслом в замочную скважину, он аккуратно оборачивал замок в пакет, предварительно пряча в него незамысловатое послание.

Так прошел год. На рынке грянула реконструкция. Территорию заасфальтировали, некоторые павильоны обновили, некоторые снесли и как водится после этого, резко повысили аренду. Из-за этого дяде Коле пришлось уйти с рынка,

но каждое утро они с Пальмой продолжали навещать ларек и проверять целостность своих посланий. В обновленный ансамбль также не вписался и павильон «Ремонт обуви». Администрация, недолго думая, подогнали автокран, погрузили ларек на автомашину и вывезли его за территорию рынка. Правда, замок на дверях продолжал еще некоторое время висеть и дядя Коля с Пальмой продолжали навещать ларьку, вкладывая туда свои записки. Потом замок кто-то сорвал. Дядя Коля купил толстый, черный фломастер и стал писать свои послания на дверях и стенах. Но открытый ларек очень быстро превратился в мусорный ящик и однажды ночью просто сгорел. Уцелела только вывеска «Ремонт обуви». Увидев утром обгоревший и покореженный остов, залитый вдобавок пожарной пеной, Пальма завывала, а дядя Коля заплакал:

– Вдруг Пашу освободят досрочно. Как же он узнает, где мы?

Представитель администрации рынка, оформлявший вызов пожарных, подписал акт и подошел к дяде Коле:

– В чем дело, мужчина? Чем Вам дорог этот ларек? Я уже давно наблюдаю, как Вы трепетно к нему относитесь, записки какие-то оставляете.

Пришлось дяде Коле поведать всю историю павильона «Ремонт обуви» и его обитателей. Выслушав самым внимательным образом рассказ, мужчина долго молчал, потом походил вокруг останков павильона, покрутил головой:

– Эти железки мы должны убрать, поэтому завтра их увезут на металлолом. Единственное, что я могу сделать – это один раз в день давать объявление по нашей местной трансляции. Часов в одиннадцать я думаю, будет в самый раз. Больше не смогу, да и не нужно. Люди, в большинстве своем, в курсе. Если Павел появится, то ему сообщат. Будем надеяться, что наши усилия не пропадут даром. Вывеску могу снять, вдруг пригодится. Заберете потом у меня.

На следующий день дядя Коля с Пальмой уже с самого утра были на рынке. Они стояли у домика администрации и молча ждали объявления. Рыночная жизнь кипела вокруг. Проходившие мимо люди в большинстве своем здоровались с дядей Колей и трепали Пальму по загривку.

– Ждешь? – спросил хозяин закуской, подходя к нашей парочке.

– Жду. – ответил дядя Коля.

– На, угощайся. – и протянул ему пакет с пирожками.

– Не надо.

– Надо, Коля, надо. Давай, давай бери. Я ж тебе не милостыню подаю. Сколько ты мне ножей переточил. Пойдем, у меня посидишь, чаю выпьешь. Еще целый час ждать.

Ровно в одиннадцать часов, динамик на здании администрации, зашипел, кашлянул и сказал приятным женским голосом:

– Внимание! Прослушайте, пожалуйста, объявление! Мужчину, потерявшему собаку Пальму, просят зайти в ад-

министрацию рынка за информацией о ее местонахождении. Повторяю. Мужчину, потерявшему собаку Пальму, просят зайти в администрацию рынка за информацией о ее местонахождении.

После того как динамик замолчал, немногочисленные посетители закусочной хором загалдели:

– Ну, все! Началась работа! Теперь никуда не денется, найдется! Теперь точно найдется!

– Хорошо бы, – прошептал дядя Коля. – Пальма, Пальма, пойдем, заберем нашу вывеску.

...

Целый год, каждый божий день, в одиннадцать часов дня из динамиков звучало объявление о потерявшейся собаке. Торговцы и работники рынка даже привыкли к нему. И вот в один из дней объявление не прозвучало.

– Петровна, ты слыхала, было объявление про Пашку?

– Та вроде нет?

– Петрович, ты слышишь? Про Пашку сегодня объявляли?

– Постой, постой. По-моему нет. Схожу в администрацию, спрошу.

Оказалось, что ответственный и сердобольный сотрудник рынка уволился, а новый искренне не понимал, зачем ему на весь белый свет, объявлять про какую-то собаку. Причем делать это совершенно бесплатно. Динамики промолчали до вечера. Но на следующий день, ровно в одиннадцать часов,

объявление прозвучало снова. Это произошло после того, как новый сотрудник пришел в мясной ряд знакомиться с арендаторами и был послан оттуда очень далеко, и с пожеланиями не возвращаться, если будут динамики молчать. В скобяном ряду начинание коллег единодушно поддержали, а продавцы кормов для животных даже указали на пришедших в это момент дядю Колю с Пальмой.

Примерно через год сотрудник снова сменился. И опять торговцы собирали делегацию и настаивали на том, что объявление должно звучать. В этот раз им пришлось дойти до самих владельцев рынка. И снова объявление зазвучало каждый день в одиннадцать часов пополудни.

... Но Паша объявление не услышал. Досрочно освободившись, после четырех лет заключения, он приехал в город и почти неделю боялся появиться на рынке. Ему было стыдно за то, что с ним произошло, и одновременно он страшился плохих новостей о дяде Коле и главное Пальме. Каждый день, по нескольку раз проезжая мимо на троллейбусе он рассматривал павильоны, видневшиеся за оградой, пытался разглядеть знакомые лица, но выходить не решался. Так, в очередной поездке его и узнал сосед дяди Коли по скобяному ряду.

– Паша, ты?! Господи, нашелся, наконец. А Николай с Пальмой тебя каждый день на базаре ждут. Объявление по радио крутят. Ты, как? Давно освободился?

– Пальма с ним?!

– С ним, с ним. Куда ж ее? Коля сразу забрал к себе. Давай, давай выходи. Пойдем я тебя провожу. Господи! Радость-то какая!

И надо же было так случиться, что дядя Коля с Пальмой в этот момент подходили к рынку. Неожиданно Пальма завyla и судорожно стала рвать поводок из рук, буквально выкручиваясь из ошейника. Оборвав кожаный ремешок, она с воем умчалась вперед, в толпу прохожих. Поспешив за ней, дядя Коля только увидел как собака, со всего маху, прыгнула сзади на какого-то мужчину и сбила его с ног. Не ожидавший ничего подобного мужчина упал на колени, закрыв голову руками, а собака с визгом металась вокруг и бросаясь то на него, то на окружавших их прохожих. Людей, отпрянувших в ужасе, охватил ступор. Никто даже не пытался оттащить Пальму. Она прыгала вокруг лежащего, беспрестанно визжа. И тут руки мужчины поймали ее за шею и притянули к себе.

– Оттащите, оттащите ее! Хватайте за поводок! – волновался народ.

Но совершенно неожиданно все вдруг поняли, что это совсем не агрессия.

– Стой! Не троньте! Не троньте ее!

А мужчина, стоя на коленях, зарылся лицом в собачью шерсть и, раскачиваясь из стороны в сторону, тянул на распев:

– Пальма-а-а-а, Пальмочка моя-я-я.

Собака тихонько повизгивала куда-то ему в лицо, потом

затихла и ... из-под нее потекло.

– Паша вернулся. – прошептал, подбежавший старик. –
Дождались, слава Богу.

...

– Ну, а дальше-то, что дальше?– теребил я Вадима, краем глаза отметив приближающийся причал.

– А, что дальше? Дальше ты сам все видел. Сейчас Паша живет в общежитии. Работает снова сапожником. В частном секторе, в гараже у дяди Коли, оборудовал себе мастерскую. Та самая вывеска «Ремонт обуви» пригодилась и висит теперь там. Пальма дыхнуть никому не дает на дядю Колю и Пашу. Да и Паша от стариков никуда. Свои внуки у них далеко, так он им вместо них. Родня не против. Вот такая история. Бортовой кранец придержи, встанем на муринг****.

Мы приблизились к причалу. Взяв свой нехитрый рыболовный скарб, я выпрыгнул на причал и завел кормовые концы.

– Вот спасибо. За матроса сработал. – улыбнулся Вадим. –
Слушай, я на следующие выходные пойду на луфаря, если соберешься, набери меня до четверга. Кстати дядя Коля с Пашей тоже будут.

– И Пальма будет?

– И Пальма. Куда ж без нее. – мы пожали руки и Вадим начал прибираться на палубе.

Я уже сошел с причала, когда услышал сзади какие-то хлопки. Капитан выколачивал пыль из старого бушлата.

Вагха* – собака, прыгнувшая в погребальный костер за телом хозяина в Индии.

Костя** – пес, семь лет живший и умерший на шоссе, на месте аварии погибших хозяев в Тольятти.

Утка*** – швартовое приспособление, предназначенное для крепления свободных концов каната на время швартовки.

Муринг****– (mooring) – это так называемый мертвый якорь.